

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125>

Оригинальная научная статья

Авантюрный сюжет в прозе Б. Окуджавы (повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»)

Е. Н. Матюшкина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ ekaterina-matyush@yandex.ru

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении закономерностей преобразования авантюрной модели в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль». Актуальность исследования определяется тем, что осмысление авантюрного сюжета в прозе Б. Окуджавы, с одной стороны, необходимо для уточнения основных тенденций и путей развития литературного процесса 1960-70-х годов, а с другой – для понимания жанровой специфики повести автора «Похождения Шипова, или Старинный водевиль». Исследование основывается на использовании совокупности методов: историко литературного, сравнительно-типологического, социокультурного. Авантюрная канва и водевильный сюжет «Похождения Шипова» помогли, с одной стороны, предложить читателю соотнести данное произведение с определенной устойчивой структурой (повесть А. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» или роман чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»), с другой – добиться остроты в постановке актуальных вопросов, раскрыть сложность социокультурной ситуации. В результате исследования обнаруживается, что авантюренность, с одной стороны, связана со специфической формульностью, которая проявляется в широком применении соответствующих повествовательных приемов (авантюрный герой, яркость, зрелищность образов, фиксация деталей и др.), с другой – отражает фарсовость действительности. Структурная организация повести драматургична. Стилиевой доминантой текста Б. Окуджавы является тесная связь авантюренности с идеей театральности, которая в свою очередь достигается постоянным столкновением реальности и вымысла. Создание прозы с очевидным лирическим и философским началом не препятствует проникновению в нее авантюренности. Авантюрно в произведении Б. Окуджавы представление о судьбе «частного» человека как зависимости от истории и безуспешной попытке преодолеть её, а также предельно заостряется вопрос о свободе творческого самовыражения. Авантюрная схема используется автором с целью усиления пародийного звучания «истинного происшествия» в Ясной Поляне. Молодой граф Л.Н. Толстой подвергается преследованию в результате абсурдного донесения жандармского штаб-офицера. «Неканоничная» повесть, несомненно, являются новым этапом в развитии темы «глотка свободы» в творчестве автора. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с рассмотрением авантюрного начала в исторической прозе Б. Окуджавы, которая является примером сочетания историзма и авантюренности.

Ключевые слова: Б. Окуджава, авантюренность, авантюрный герой, театральность, водевиль, стилизация, мироощущение, гротеск, ирония, социокультурная ситуация

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Матюшкина Е. Н. Авантюрный сюжет в прозе Б. Окуджавы (повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 115–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125

Original article

Specificity of adventurous in Bulat Okudzhava's prose (based on the story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville")

Ekaterina N. Matyushkina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

✉ ekaterina-matyush@yandex.ru

Abstract

The purpose of this study is to analyze the transformation of the adventure model in Bulat Okudzhava's story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville". The relevance of the study is grounded in the fact that understanding the adventure plot in Bulat Okudzhava's prose is necessary, to begin with, to clarify the main trends and paths of development of the literary process of the 1960-70s and, additionally, to understand the genre specifics of the author's story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville". The study is based on the use of a set of methods: historical and literary, comparative typological, socio-cultural. The adventure canvas and vaudeville plot in "The Adventures of Shipov" allowed the author to suggest that the reader relate this work to a specific literary structure (A. Tolstoy's story "The Adventures of Nevzorov, or Ibicus", I. Ehrenburg's novel "The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Disciples" or the novel by the Czech writer J. Hasek "The Adventures of the Good Soldier Schweik"). This allows the author to address complex socio-cultural issues with greater clarity. The study reveals that adventurousness is associated with a specific formulaic nature, manifested in the extensive use of narrative techniques (adventurous hero, brightness, spectacularity of images, and attention to details, etc.). Furthermore, it reflects the farcical nature of reality. The structural organization of the story is dramatic. The stylistic dominant of Bulat Okudzhava's text is the close connection of adventurism with the idea of theatricality, which, in turn, is achieved by the constant clash of reality and fiction. The creation of prose with an obvious lyrical and philosophical beginning does not prevent the penetration of adventurism into it. The adventurousness in Bulat Okudzhava's work is the idea of the fate of a "private" person as dependent on history and an unsuccessful attempt to overcome it, and the issue of freedom of creative expression is extremely sharpened. The adventurous scheme is used by the author in order to enhance the parodic sound of the "true incident" in Yasnaya Polyana. Young Count L. N. Tolstoy is persecuted as a result of an absurd report from a gendarme staff officer. The "non-canonical" story is undoubtedly a new stage in the development of the theme of "a breath of freedom" in the author's work. Prospects for further research may be related to the consideration of the adventurous beginning in the historical prose of Bulat Okudzhava, which is an example of a combination of historicism and adventurism.

Keywords: B. Okudzhava, adventurousness, adventure hero, theatricality, vaudeville, stylization, worldview, grotesque, irony, socio-cultural situation

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Matyushkina E. N. Specificity of adventurous in Bulat Okudzhava's prose (based on the story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville"). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 115–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125

Введение

Необычна на фоне исторической романистики Б. Окуджавы авантюрная повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие». Помимо сатирического звучания ее выделяет прежде всего неожиданное в рамках творчества писателя прочтение прошлого. Авантюрность может считаться не только «пружиной» в развитии действия, но и возможностью проявления авторской иронии, отмеченной юмором и саркастической интонацией. Повесть не относится к классическим образцам авантюрной литературы, однако данная жанровая модель позволяет продемонстрировать «неканоничность прозы Окуджавы» [1, с. 12]. Стилизация в данном случае достигается взаимодействием традиционной художественной формы и индивидуальности автора.

Выбранный жанр «похождений» должен заставить читателя соотнести «истинное происшествие» с определенной устойчивой структурой. Достаточно вспомнить названия произведений, являющихся примерами авантюрной литературы: повесть А. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» или роман чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

Актуальность исследования определяется, тем, что осмысление авантюрного сюжета в прозе Б. Окуджавы, с одной стороны, необходимо для уточнения основных тенденций и путей развития литературного процесса 1960-70-х годов, а с другой – для понимания жанровой специфики повести автора «Похождения Шипова, или Старинный водевиль».

Цель исследования заключается в рассмотрении закономерностей преобразования авантюрной модели в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль».

Определены задачи исследования:

- 1) выделить принципы реализации авантюрности в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»;
- 2) рассмотреть взаимосвязь авантюрного начала с идеей театральности в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»;
- 3) показать отдельные приемы авантюрного повествования, с помощью которых Б. Окуджава подчеркивает абсурдность, водевильность ситуации, а также воссоздает неоднозначность современной ему эпохи.

Теоретической базой исследования явились труды М. Бахтина, Ю. Лотмана, Д. Николаева, Р. Тазетдиновой и др. Особую значимость имеют работы, посвященные прозе Б. Окуджавы: Г. Белой, С. Бойко, Э. Зобниной.

Исследование основывается на использовании совокупности методов: историко-литературного, сравнительно-типологического, социокультурного.

Художественное своеобразие авантюрной повести Б. Окуджавы

Сочетание лирического, философского начала с авантюристичностью становится способом моделирования художественной реальности в прозе Б. Окуджавы. Если главными героями его исторических романов («Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом») были рефлексирующие «дилетанты», ощущающие глубокий конфликт с окружающим миром, невольно очутившиеся в центре событий прошлого, то в «старинном водевиле» главным становится образ авантюриста, в руках которого оказывается судьба великого писателя. М. Бахтин дает следующую характеристику авантюрному герою: «У него нет твердых социально-типических и индивидуально-характерологических качеств, из которых слагался бы устойчивый образ его характера, типа или темперамента. Такой определенный образ отяжелел бы авантюрный сюжет, ограничил бы авантюрные

возможности. С авантюрным героем все может случиться, и он всем может стать. Он тоже не субстанция, а чистая функция приключений и походов» [2].

Авантюрная схема используется Б. Окуджавой с целью усиления пародийного звучания абсурдной ситуации, связанной с преследованием Л. Толстого. Молодой граф в Ясной Поляне открыл школу для крестьянских детей и пригласил в преподаватели студентов, которые «подверглись каким-либо случайностям, оставили Университет». Существует донесение жандармского штаб-офицера о том, что они ведут «опасные» разговоры, произносят речи, «заимствованные из разных предосудительных изданий», а сам Л. Толстой «весьма замечателен своим либеральным направлением» [3, с. 6]. Для выяснения всех обстоятельств этого «деликатного дела» агент Михаил Иванович Шипов – «специалист по карманным воришкам» вместе со своим «компаньоном» доносчиком и филером Амадеем Гирсом («грек, а может быть, цыган или итальянец»), напомиравшим «тощую огорченную птицу с длинным лиловым клювом», тайно отправляются в имение уже известного на тот момент писателя.

В повести Б. Окуджавы два сыщика при московской полиции, получив большую сумму в канцелярии, не торопятся приступить к выполнению своих обязанностей. Так ни разу не побывав в Ясной поляне, в течение долгого времени они предаются пьянству, пускаются в любовные приключения, при этом сочиняя многочисленные донесения, в которых докладывают о своих значительных успехах в раскрытии заговора и наличии в имении Л. Толстого потайных ходов и комнат, в которых должны разместиться станки для «печатания противозаконных сочинений», а также придумывают различные предлоги для получения дополнительных средств. В кульминационный момент Шипов даже забывает о своем ответственном задании: «Чего мне там, в Ясной-то, надо? <...> - Чего? - И тут же вспомнил: - Да граф же Лев Толстой, господи! А я-то... <...> А чего Толстой-то, чего? Чего я ему?.. Чего я должен?..» [3, с. 126].

Будучи «вообще удачником», авантюрный герой Б. Окуджавы мечтает во что бы то ни стало продвинуться по карьерной лестнице, оправдывая свой успех предначертанием судьбы: «Нет, судьба не швырнула Шипова на произвол, не оставила в покое. Она тащила его за собой все выше и выше, тащила за руку, да он и не упирался. Лестницы из чистого мрамора покорно сияли под его ногами. Резные тяжелые двери распахивались перед ним. Среди надменных мундиров как равный мелькал его поношенный мышинный сюртук» [3, с. 24]. К своим 36 годам Михаил Шипов стал не только «за жульем охотник», но и, являясь бывшим дворовым человеком князя В.А. Долгорукова, ловко обращался с подносом и умел подать на стол, что с гордостью демонстрировал в трактире. «Измученная» публика к нему обращалась «великий человек», а хозяин был уверен, что глаза сыщика излучают «свет наподобие искр», сам же он, «окрыленный удачей», размышлял: «Когда бы вы знали, пустоглоты, на какую я верхушку залетел, вы бы все в ножках у меня валялись» [3, с. 21]. Все это резко контрастирует с описанием «поношенного горохового пальто» и «темно-серого, мышинного сюртука». Поддерживая водевильный комизм, речь героя изобилует разными, по всей видимости, выученными до «эманципации» французскими «словечками», которые он часто использует совершенно неуместно в сочетании с просторечиями: «Ну, будь, <...> Наговорил, консоме, с три короба» [3, с. 15–16], «Так понимайте, что я просто, тре жолы, с вами сижу, ласы точу» [3, с. 17], «У меня есть в затылке такая струночка <...> Как что - она у меня лямур-тужур, тенькает – и готово» [3, с. 21]. Все это дает представление о характере персонажа, а также подчеркивает нелепость происходящего.

Многое в прозе и поэзии Б. Окуджавы было продиктовано событиями, происходившими в стране и в его собственной судьбе. Трагические процессы эпохи определяют содержание и пронизывают собой всю ткань произведений автора. В конце 1960-х годов у Б. Окуджавы все настойчивее и смелее звучат темы сыска, преследования и доноительства. В марте 1966 года он подписывает коллективное писательское письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, осужденных за публикацию на Западе «антисоветских» сатирических произведений. В то же время собственная творческая судьба Б. Окуджавы складывалась непросто, в частности возникали большие трудности с публикацией прозы. Повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», законченная в июне 1970 года, отдельной книгой была опубликована только в 1975 году. Это связано с давлением на Б. Окуджаву из-за зарубежных публикаций: в 1960-е годы записи его песен вышли в Лондоне и Париже, сборники прозы и поэзии – в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне). Он обратился в партком Московской писательской организации с просьбой объяснить причины сложившейся ситуации. В свете данных событий становится очевидно, почему в списке действующих лиц, нетривиальном элементе для прозаического произведения, на первом месте стоит вовсе не филер Шипов, а «граф, отставной артиллерии поручик, тульский помещик, литератор, 34 лет» [10, с. 4]. Предлагая периодизацию творчества Б. Окуджавы, С. Бойко выделяет «период исторических романов» – «приблизительно с 1965 до 1983 г». Именно в это время создаются «Похождения Шипова». Представляется значимой в контексте размышлений исследователя мысль: «писатель обращается к фантазмагии и гротеску, а также к традиционным для возрожденческой литературы образам плутов. В этот период создаются песни, прославляющие человека-творца, говорящие о живой связи настоящего с далеким прошлым» [4, с. 30].

Секретные доносы в повести Б. Окуджавы чередуются с отрывками писем ничего не подозревающего о слежке Л. Толстого, в которых он высказывает беспокойство о своей школе, интересуется состоянием здоровья сестры, рассказывает о планах публикации нового романа и др. Значимым оказывается то, что как и во всей его прозе, в повести наблюдается синтез «частного» и «исторического», в основе которого история неизменно главенствует над «я» отдельного человека, а также предельно заостряется вопрос о свободе творческого самовыражения.

Известный исследователь авантюрной литературы Д. Николаев обращает внимание на тесную связь авантюрного начала с идеей театральности в истории европейской литературы: «все меньше значит таинственный режиссер-кукловод, решающую роль теперь играет автор сценария, в чьем воображении рождаются сцены бытия» [5, с. 8]. Таким образом, в авантюрном произведении возможно формирование театрального кода, который раскрывается через поведение героев и особое видение событий. Н. Заварницына справедливо отмечает, что «театрализация прозы зачастую является актом бессознательного творчества писателя, что приводит к особому восприятию текста читателем» [6, с. 111]. Театральность прозы Б. Окуджавы проявляется в особом мироощущении и очевидно связана с увлечением автора кинематографией: он принимает участие как сценарист и автор песен в ряде фильмов («Верность» 1965 г., «Женя, Женечка и "катюша"» 1967 г., «Соломенная шляпка» 1974 г. др.). Необходимо отметить, что в повести «Похождения Шипова» используются несколько иные приемы для создания театральности, нежели в исторических романах. В них театральность представлена как один из способов репрезентации прошлого, который предполагает определённую форму отношений человека с миром.

Структурная организация авантюрной повести Б. Окуджавы подчеркнута драматургична, что в полной мере соответствует поэтике заявленного в заглавии водевиля, в основе которого некий случай из жизни, обман, но главное - выявление пороков человеческой натуры.

В качестве одного из ключевых признаков водевиля выделяют наличие куплетов, которые подчеркивают «связь данного жанра со сценическим мастерством, а также с музыкой» [7, с. 837]. Куплеты в повести Б. Окуджавы не связаны с основным действием, не содержат в себе вывода или морали, просьбы или выражения чувств. Всегда повторяются одни и те же строки, неожиданно появляющиеся в разных ситуациях. Впервые читатель встречается с ними при знакомстве с Шиповым: «И в этой благодатной тишине вдруг откуда ни возьмись звучали какие-то слабые струны; какие-то неясные звуки вырывались из-за домов, из подворотен; какие-то слова, которых было не понять, не запомнить, разрозненные, сбивчивые: какая-то песня, что ли, которую напевал некий невидимый житель - не пьяный сапожник, не сбитенщик, не бродяга, не вор, не извозчик, но и не тайный советник, или генерал, или князь...

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?

В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи...» [3, с. 27–28]

Тяготение к театральной форме подачи литературного материала проявляется у Б. Окуджавы в специфической графике текста. В повести «Похождения Шипова» писатель использует тот же прием, который уже наблюдался в его первом историческом романе «Бедный Авросимов»: драматургический отрывок вмонтирован в основное пространство прозаического произведения. При этом данные конструкции не выглядят инородными, они логически продолжают пространственные диалоги героев, создают комический эффект. Достаточно вспомнить забавный эпизод с безуспешным поиском типографических станков на дне пруда в имении Л. Толстого. Прозаическое повествование прерывается несколько раз драматургическими вставками:

«Полковник (Шипову). Кстати, вы настаиваете, что станки в пруду?

Шипов. А как же <...>

Полковник (Шипову). А вы уверены, что в пруду? Уверены?.. Вы что, голову мне морочите? Отвечайте...

Шипов. Тама, тама, где ж им еще-то быть? <...>

Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера, где в синей воде топчутся два толстоногих рыбака, выбирая из бредня скользкую пятнистую форель <...>

Полковник. Стой!.. Попалось что-нибудь? Зацепили? А ну-ка, пощупайте... Да не ногой, руками, руками... Есть?.. Нет?..

Шипов. Надо бы две лодки и сеть. Может, они на самой середине лежат. Может, их с лодки скидывали.

Полковник. Вы говорите, их с лодки скидывали?

Шипов. А кто ж их знает, могли и с лодки.

Полковник. Нет, вы мне точно говорите: скинули или нет?

Шипов. Скинули, а как же... <...>

Михаил Иванович закрыл глаза и увидел, как его в наручниках увозят из Ясной Поляны» [3, с. 191–194].

Высказывания героев никак не комментируются автором. Диалоги продолжают то в драматургической, то в прозаической форме. Попутно Б. Окуджава

даёт иронические указания на интонации или состояние персонажей в первую очередь Шипова.

В тексте частично происходит трансформация традиционного оформления прозы в соответствии с принципами драматургии. Неожиданное для читателя появление данных элементов в повести влияет на восприятие, изменяется ритм повествования. Достаточно репрезентативной иллюстрацией может служить разговор полковника Муратова и незадачливого сыщика Амадея Гираса, в ходе которого происходит разоблачение авантюрного предприятия:

«Полковник. А что он в Петербург сообщал?

Гирас. Страшно говорить. Дозвольте, я вам пошепчу... (шепчет).

Полковник. Ничего себе! Какая ложь! Да он-то сам там бывал, в Ясной? Он сам-то видел?..

Гирас. В том-то и дело, что не. был...

Полковник. А вы?

Гирас. Я, конечно... То есть не то чтобы был... То есть я был.

Полковник. Да и вы не были, черт вас возьми!

Гирас. Я? Ваше высокоблагородие, я там не был» [3, с. 112].

Кроме драматургических вставок в текст повести врываются непонятно кем исполняемый куплеты:

«Николай Серафимович принялся выхаживать по кабинету, не говоря ни слова, да так стремительно, что давний неведомый мотив не поспевал, летя за ним следом, и ударялся об стены, и разлетался в мелкие брызги, часть из которых попадала на Гираса.

...в полку небесном ждут меня...

"Какое свинство! - думал полковник. - Какая грязная возня! И вокруг чего?.. Навозные жуки высасывают из пальца историю, чтобы доказать мне, что я свинья! Кому это надобно?.."

...Зачем тебе алмазы?..

- А что, - вдруг оборотился он к Гиросу, - значит, ежели вы правы, стало быть, я полная свинья? <...>

"Какая грязь! - думал он. - Значит, ежели вы виноваты, граф Лев Николаевич, стало быть, и я виноват, что недоглядел? Так я докажу им, докажу вашу порядочность и непричастность..."

...в полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи!..» [3, с. 113-114].

Таким образом, экспериментируя с визуально разнообразными элементами в рамках авантюрного повествования, Б. Окуджава, с одной стороны, имеет возможность удерживать внимание читателя, а с другой - создавать интересный художественный орнамент своего произведения.

Поддерживая эффект театральности, условность и иллюзорность становятся стилиевой доминантой текста «похождений». Размышляя об адаптации и жанровых трансформациях водевиля в России, М. Планида и Т. Рудиченко приходят к весьма значимому выводу: «взаимодействие с другими родственными театральными и музыкально-драматическими жанрами позволяет обновлять язык искусств и образно-эмоциональную сферу, усложнять переплетение драматургических линий и создавать дополнительные возможности конструирования конфликта, что позволяет рассматривать его как полижанровое явление» [8, с. 73].

Читатель неминуемо превращается в зрителя, наблюдающего за наполненными действием мизансценами и огромной «массовкой». «Пустыня из крутящегося снега и темени», посреди которой незадачливые сыщики встретились со стаей волков, превращается в некое подобие сценического пространства. Б. Окуджава

дает зрелищные, яркие описания действий персонажей, а заложенная во многие эпизоды сценичность вовлекает читателя в происходящее, добиваясь у него эмоционального отклика: «И он заверещал пронзительно, по-заячьи, ухватился за ствол и закабался, срывая ногти и кожу, по обледенелому стволу, по сучьям вверх, вверх, словно решил во что бы то ни стало достигнуть неба и никогда не возвращаться обратно. Тонкий ствол прогибался под его тяжестью, тонкие веточки обламывались, тонкие льдинки врезались в ладони, а он лез и лез <...> Вдруг ствол изогнулся, не выдержав его тяжести, и Шипов повис, болтая ногами. В этот момент выглянула луна. Под ним была метель, и в ней, в ее карусели, он увидел мелькающие поджарые тени» [3, с. 71-72].

В этой сцене театральность достигается столкновением реальности и вымысла. Шипову, оцепеневшему от страха, почудилось, что это вовсе не стая волков, а «шайка» разбойников во главе с «белобрысым» атаманом, который «кружился на снегу, вскидывал лапы, воистину плясал». Он не может понять где реальность, а где всего лишь плод его фантазии. Ведь волки пляшут перед сыщиком, поют «по очереди» и даже предлагают «пропустить махонькую». В этот момент герой придается философским размышлениям о том, что много «суеты и хлопот» в жизни, что он охотится за графом Толстым, и за ним «идёт охота, и на волков ведь тоже охотятся» [3, с. 74].

В произведении Б. Окуджавы, несомненно, усиливается гротеск, присутствуют игровые моменты, быстрая смена «декораций» и состояний главного героя (например, комичный эпизод с переодеванием в старуху-странницу тульского жандармского полковника Муратова, пытавшегося разоблачить филеров, праздно проводящих время у вдовы Дасеньки).

Ярко театрален эпилог повести, в котором представлена сцена «воспарения» арестованного опасного государственного преступника Шипова. Читатель наблюдает за тем, как «во дворе Суцевской полицейской части» готовится к ссылке в Сибирь бывший сыщик. В тот момент, когда он узнает в конвойном офицере своего компаньона Гирosu, автор использует парадоксальный сюжетный ход - вдруг «цепи, словно устав под собственной тяжестью, легко соскользнули на землю», а преступник, сказав последнее «мерси», «вытянулся весь, застыл на мгновение и вдруг начал медленно подниматься в воздух, все выше, выше и полетел легко и свободно, не меня торжественной позы, с едва заметной благостной улыбкой на устах, озаренный пламенем заката, все выше, выше, пока не превратился в маленькую красную точку и не исчез совсем в сумеречном небе» [3, с. 199-200]. Важным для понимания специфики персонажа представляется утверждение Э. Зобниной: «В образе Шипова сочетаются человеческая ничтожность и подлинная трагедия личности, подобное изображение персонажа было особенно характерно для Гоголя и позднее для Достоевского. Окуджава выстраивает некий ассоциативный типологический ряд, ведет литературную родословную героя от Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской “Шинели” до Макара Деvушкина (роман “Бедные люди”) и отчасти “подпольного человека” (“Записки из подполья”) Достоевского» [9, с. 24].

Анализируя художественно-текстовый вид театральности, Р. Тазетдинова исходит из того, что «театральность как феномен <...> проявляется не в тематике и даже не всегда в образности, а в мироощущениях субъекта, интерпретирующего поведение персонажей. Как поэтологическая характеристика она “расслаивает” смысловое пространство произведения, поэтому любой текст - от актуального до абсурдного, допускающий такое членение, обладает характеристиками театральности» [10, с. 31]. Действительно, «театральная обработка» финала выполняет роль карикатуры. Нелепый фантастический «побег» Шипова –

мистификация, разыгранная Б. Окуджавой для читателя, оказывается необычайно созвучна строкам начала повести: «Но странное дело - чем выше взлетал он, чем вельможнее, недостижимее и страшнее возникали перед ним персоны, тем спокойнее становилось у него на душе» [3, с. 24]. Сатирический персонаж повести – порождение системы, которая боялась «открытого скандала» и в многочисленных донесениях филера получала то, что хотела изначально услышать. Здесь уместно вспомнить слова Ю. Лотмана: «Герой плутовского романа не разрушал окружающую его жизнь: вся его энергия, все умение выбиться из социальной обоймы были направлены на то лишь, чтобы улесться в эту же обойму, но наиболее выгодным и приятным для себя образом. Его активность объективно не разрушала, а утверждала общий порядок жизни» [11].

Авантюрное произведение Б. Окуджавы оказалось весьма интересным в аспекте сценической репрезентации. Уже в 1975 году пьеса «Мерси, или Похождения Шипова» (режиссер В. Воробьев) была поставлена в Ленинградском театре музыкальной комедии. В XXI в. свои «Похождения Шипова» есть в Калужском областном драматическом театре (2009 г., режиссер-постановщик А. Плетнев) и Московском театре «Et Cetera» (2011 г., постановщик С. Грицай). Финал «похождений» оставляет ощущение некой недосказанности, заставляя современных читателей и драматургов возвращаться к этой истории, переосмысливая текст минувшей эпохи. Рассматривая возникшие типы инсценировок повествовательной прозы, Е. Гордиенко подчеркивает, что «повышенное внимание к повествовательной литературе есть одна из сторон всеобщей эпизации театра <...> Театр есть репрезентация, но не удвоение действительности и не сама действительность. Эпический претерит в литературе выступает, прежде всего, как знак фикциональности, смещающий авторскую систему координат в фиктивные системы героев. В театре он подчеркивает разрыв между изображающим и изображаемым действием, принципиальное несовпадение между означаемым и означающим» [12, с. 52-56].

Заключение

Добиваясь остроты в постановке актуальных вопросов своего времени, раскрывая сложность социокультурной ситуации, Б. Окуджава предложил свою интерпретацию традиционной литературной схемы. Оригинальность авторского подхода к авантюрной структуре определяется сочетанием в повести приемов авантюрного повествования (модель «похождений», авантюрный герой, яркость, зрелищность образов, фиксация деталей и др.) с театральной условностью, которая дает необычайную свободу творческой фантазии поэта, создающего прозу. Обозначенный уже в «Похождениях Шипова» сценический характер действия претерпит значительные изменения в поэтике позднего творчества Б. Окуджавы. Однако уже в этом небольшом авантюрном произведении намечается важная для автора тема столкновения «частного» человека и непостижимых сил истории, которые вторгаются в его повседневность.

Л и т е р а т у р а

1. Белая Г. Булат Окуджава, время и мы. *Избранные произведения в 2 т.* Москва: Современник; 1989;1:3-24
2. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm>, свободный (дата обращения 11.01.2025).
3. Окуджава Б.Ш. *Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. Избранные сочинения: В 2 т.* Москва: Современник; 1989;2:3-200.

4. Бойко С.С. *Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века*: Автореферат дис. ... д. филол. н. Москва. 2011:8.
5. Николаев Д.Д. *Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая*: Автореферат дис. ... д. филол. н. Москва. 2006:44.
6. Заварницына Н.М. Театрализация недраматургического текста: проза М. Кузмина. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*; 2018; 1(4):111-117.
7. Высокович К.О. Особенности жанра водевиля в творчестве А.А. Шаховского, Н.И. Хмельницкого, А.С. Грибоедова. *Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Сер. «Гуманитарные науки»*. Калуга: 2020:836-841
8. Планида М.Ю., Рудиченко Т.С. Водевиль в России: адаптация и жанровые трансформации. *Южно-Российский музыкальный альманах*. 2019;36(3):71-76.
9. Зобнина Э.М. Традиции русской литературы XIX в. в прозе Б.Ш. Окуджавы (восприятие, интерпретация, оценка): Автореферат дис. ... к. филол. н. Москва. 2008:27.
10. Тазетдинова Р.Р. Театральность как феномен в бытии культуры: Автореферат дис. ... д. филос. н. Казань. 2013:46.
11. Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века)*. URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=1305> (дата обращения 5.01.2025).
12. Гордиенко Е.И. Повествовательный текст в прошедшем времени в инсценировках прозы на русской сцене. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;32(2);2:52-57.

References

1. Belaya G. Bulat Okudzhava, the time and us. *Selected works*. Moscow: Sovremennik; 1989;1:3-24 (in Russian).
2. Bakhtin MM. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bakhtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm> [Accessed 11 January 2025] (in Russian).
3. Okudzhava BSh. Shipov's Adventure or an Old Vaudeville: a True incident. *Selected works*. Moscow: Sovremennik; 1989;2:3-200 (in Russian)
4. Boyko SS. *Creative evolution of Bulat Okudzhava and the literary process of the second half of the 20th century*. Summary of Doctoral dissertation (Philology). Moscow: 2011:8 (in Russian).
5. Nikolaev DD. Russian prose of the 1920-1930s: adventure, fantastic and historical. Summary of Doctoral dissertation (Russian literature). Moscow: 2006:44 (in Russian).
6. Zavarnitsyna NM. Theatricality metamaterial text: prose by M. Kuzmin. *V. N. Tatishchev Bulletin of the Volga University*. 2018;1(4):111-117 (in Russian).
7. Vysokovich KO. Features of the vaudeville genre in the work of A.A. Shakhovsky, N.I. Khmel'nitsky, A.S. Griboedov. *Scientific works of the K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University. Series "Humanities"*. Kaluga: 2020:836-841 (in Russian).
8. Planida MYu, Rudichenko TS. Vaudeville in Russia: adaptation and genre transformations. *South-Russian Musical Anthology*. 2019;3(36):71-76 (in Russian).
9. Zobnina EM. Traditions of Russian literature of the 19th century in the prose of Bulat Okudzhava (perception, interpretation, evaluation). Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University; 2008:27 (in Russian).
10. Tazetdinova RR. Theatricality as a phenomenon in the existence of culture. Summary of Doctoral dissertation (Philosophy). Kazan: 2013:46 (in Russian).
11. Lotman YuM. *Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)*. Available at: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=1305> [Accessed 5 January 2025] (in Russian).
12. Gordienko EI. Narrative text in the past tense in stage adaptations of prose in Russian theater. *Philological sciences. Theory and practice issues*. 2014;2(32);2:52-57 (in Russian).

Сведения об авторе

МАТЮШКИНА Екатерина Никитична – к. филол. н., доцент кафедры общественных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-2726-2755

E-mail: ekaterina-matyush@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina N. MATYUSHKINA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-2726-2755

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.01.25

Принята к публикации / Accepted 12.02.25